

Николай Новиков

Трутенъ

Еженедельное издание на 1769 год месяц май

ПРЕДИСЛОВИЕ

Господа читатели!

Сколько вы ни думайте, однакож, верно, не отгадаете намерения, с которым выдаю сей журнал, ежели я сам о том вам не скажу. Впрочем, это и не тайна. Господа читатели, вы люди скромные, так я без всякого опасения на вас в том положиться могу. Послушайте ж, дело пойдет о моей слабости: я знаю, что леность считается не из последних пороков; знаю, что она непримиримый враг трудолюбия; ведаю, что она человека делает неспособным к пользе общественной и своей частной; что человек, обладаемый сим пороком, недостоин соболезнования; но со всем тем никак не могу ее преодолеть. Порок сей так мною овладел, что ни за какие не могу приняться дела и для того очень много у себя теряю. В праздничные дни к большим боярам ездить на поклон почитается за необходимость: ибо те, которые сие исполняют, находят свое счастье гораздо скорее; но меня к тому леность не допускает. Чтение книг почитаю весьма полезным; но лень не допускает сие исполнять. Просвещать разум науками и познаниями нужно; но лень препятствует: словом, я сделался вечным невольником презрения достойной лени и могу во оной равняться с наиленивейшими гишпанцами. Часто по целой неделе просиживаю дома. Для того только, что лень одеться. Ни с кем не имею переписки затем, что лень не допускает. От лени никакой еще и службы по сие время не избрал: ибо всякая служба не сходна с моею склонностию. Военная кажется мне очень беспокойною и угнетающею человечество: она нужна, и без нее никак не можно обойтись; она почтенна; но она не по моим склонностям. Приказная хлопотлива, надобно помнить наизусть все законы и указы, а без того попадешь в беду за неправоe решение. Надлежит знать все проницательности, в делах употребляемые, чтобы не быть кем обмануту, и иметь смотрение за такими людьми, которые чаще и тверже всего говорят: "Дай за работу"; а это очень трудно. И хотя она и по сие время еще гораздо наживна, но, однакож, она не по моим склонностям. Придворная всех покойнее и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать наизусть науку притворства гораздо в вышнем степене, нежели сколько должно знать ее актеру: тот притворно входит в разные страсти временно; а сей беспрестанно то же делает; а того-то я и не могу терпеть. Придворный человек всем льстит, говорит не то, что думает, кажется всем ласков и снисходителен, хотя и чрезвычайно надут гордостью. Всех обнадеживает, и тогда же позабывает; всем обещает, и никому не держит слова; не имеет истинных друзей, но имеет льстецов; а сам также льстит и угождает случайным людям. Кажется охотником до того, от чего имеет отвращение. Хвалит с улыбкою тогда, когда внутренно терзается завистию. В случае нужды никого не щадит, жертвует всем для снискания своего счастья; а иногда, полно, не забывает ли и человечество! Ничего не делает, а показывает, будто отягощен делами: словом, говорит и делает почти всегда противу своего желания; а часто и противу здравого рассудка. Сия служба блистательна, но очень скользка и скоро тускнеет; короче сказать, и она не по моим склонностям. Рассуждая таким образом, по сие время не сделал еще правильного заключения о том, что подлинно ли таковы сии службы или леность, препятствуя мне в которую-нибудь из них вступить, заставляет о них неправильно думать: но утвердился только в том, чтобы ни в одну из них не вступать. К чему ж потребен я в обществе? Без пользы в свете жить, тягчить лишь только землю, сказал славный российский стихотворец. Сие взяв в рассуждение, долго помышлял, чем бы мог я оказать хотя малейшую услугу моему отечеству. Думал иногда услужить каким-нибудь

полезным сочинением: но воспитание мое и душевные дарования положили к тому непреоборимые препоны. Наконец вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принести пользу моим согражданам. И так вознамерился издавать в сем году еженедельное сочинение под заглавием "Трутня", что согласно с моим пороком и намерением: ибо сам я, кроме сего предисловия, писать буду очень мало; а буду издавать все присылаемые ко мне письма, сочинения и переводы, в прозе и в стихах; а особливо сатирические, критические и прочие, но исправлению нравов служащие: ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу; а сие-то и есть мое намерение. Чего ради всех читателей прошу сделать мне вспоможенне присылкою своих сочинений, которые все напечатаны будут {Выключая те, кои будут против бога, правления, благопристойности и здравого рассуждения. Я надеюсь, что таковых и не будет: ибо против первых двух в наше время никто ничего не напишет, кто хотя искру понятия имеет; против последних же двух, без сомнения, благопристойность писать запретит.} в моих листках. Сочинения присылать можно к переплетчику, у которого продаваться будут сии листки, с надписанием: "Г. издателю "Трутня". Предисловие мое оканчиваю искренним желанием, чтобы издание сие какую-нибудь пользу и увеселение принесло читателям. Причина сему изданию лень. Дай бог, чтобы она хотя одиножды принесла пользу. Прощайте, г. читатели; я с вами долго говорить не буду для того, что я чрезвычайно устал.

ЛИСТ XXI. СЕНТЯБРЯ 15 ДНЯ

Г. издатель!

Я не знаю, отчего во многих вкралось предрассуждение, что русские ничего так хорошо делать не могут, как иностранные. Я видал, как многие, в прочем разумные, люди, рассматривая разные вещи, русскими мастерами деланные, хулили их для того только, что они не иностранными деланы мастерами. А незнающие и иностранные вещи, когда скажут им нарочно, что они русские, без всякого знания, по одному только предрассуждению, или еще и по наслышке хулят. Намедни сие случилось, и я вам это сообщаю для напечатания; пусть увидят все, до какой глупости иногда пристрастие нас доводит. Одному моему приятелю надобно было шить платье; мы ему советовали, чтобы он на то платье взял сукна Ямбургской фабрики, уверяя его, что те сукна в доброте и в цветах ничем аглинским сукнам не уступают, не говоря, что они аглинских ценою дешевле: но он и слушать того не хотел, чтобы русские сукна были добротою равны аглинским. Он был тогда не очень здоров и для того просил меня, чтобы съездил я на гостиный двор и взял ему образцы аглинских сукон. Я поехал, и как мне сие предрассуждение всегда казалось смешным, то захотелось мне уверить моего приятеля в его несправедливости. Я взял образцов аглинских сукон и ямбургских и, положи в одну бумажку, показал моему приятелю, сказав, что это аглинские сукна; он выбрал ямбургские и, любуюся их добротою, шутил надо мною, говоря, что он ямбургские сукна тогда покупать будет, когда они таковы же будут добротою, как аглинские. Послали за весьма искусным портным, показали ему образцы. Я ему потихоньку сказал, что тут одни аглинские, а другие ямбургские, чтобы он выбрал из них аглинские. Портной, рассматривая белое и палевое ямбургское сукно, сказал, что они аглинские. Я внутренно радовался их ошибке, и после, взяв ямбургское сукно, отдал портному. Портной через два дни принес платье; приятель мой оное надел и был весьма доволен. Наконец я ему объявил его ошибку; портной сказал, что сии сукна между собою добротою так близки, что и различить почти невозможно, а приятель мой тому верить не хотел. Я отдал ему излишние деньги: ибо ямбургские продаются по 3 руб. по 75 копеек, а аглинские той же доброты по 5 рублей. Приятель мой наконец согласился поверить, но после сказал: "Ямбургские сукна хотя и хороши, однакож столько не проносятся".

Г. издатель! сколько нашей братья, которые по наслышке о вещах судят. Желательно бы было, чтобы сие предрассуждение искоренилось и чтобы наши русские художники и

ремесленники были одобрены и равнялись во всем с иностранными, чему примеров мы уже видели довольно.

Слуга ваш **.

ЛИСТ XXXI. НОЯБРЯ 24 ДНЯ

Г. издатель!

За что вы на нас прогневались, что целые четыре недели не видали мы ни одного листа. Если вы на кого осердились, так чем же виноваты мы прочие? и за что нас беспричинно лишать удовольствия читать ваши листы. Пожалуйста прервите свое молчание и начните попрежнему свой журнал издавать, вы многим сделаете удовольствие, а особливо мне.

Г. издателя покорный слуга

Беспристрастный читатель.

* * *

Г. Беспристрастный читатель, признаюсь, что я пред вами неправ и слова своего, чтобы всякую неделю издавать листы, не сдержал: но я не совсем в том виноват. Я бы охотно сообщил вам причины, меня к тому принудившие, но для избежания хлопот я о том умалчиваю; во удовольствие ваше листы попрежнему издаются: впрочем, для меня весьма лестно слышать, что беспристрастному читателю мое издание угодно и приносит удовольствие.

ЛИСТ XXXII. ДЕКАБРЯ 1 ДНЯ

РАЗГОВОР

Я и Трутень

Я

Г. Трутень! пожалуй скажи, с каким намерением издаешь ты свой журнал?

Трутень

С тем, чтобы принести пользу и увеселение моим согражданам.

Я

Очень хорошо, намерение препохвальное. Но ты какой от того ожидаешь пользы?

Трутенъ

Польза будет велика, если только я заслужу внимание и похвалу разумных и беспристрастных читателей и благоволение знатных господ и покровительство.

Я

Первое отчасти исполняется; что ж надлежит до последнего, то не думаю, чтобы ты имел в том успех. Ведаешь ли, полно, ты, друг мой, кто и чем заслуживают благоволение знатных господ и покровительство?

Трутенъ

Конечно, ведаю: те, кои говорят им правду, показывают их слабости и нечаянные проступки и от оных их остерегают. Наконец, все те, которые приносят пользу отечеству, всегда заслуживают их покровительство и защищение.

Я

Худо же ты их знаешь. Напротив твоего мнения, покровительство некоторых господ заслуживают только те, кои им угождают каким бы то ни было средством, дозволенным или недозволенным. Защищение те, которые льстят их слабостям; выхваляют бесстыдно во глаза тех, коих внутренно почитают скотами; те, кои прославляют их добродетели, милосердие, кротость или кто к чему пристрастен; удивляются стройности их тела, хвалят телодвижения: и словом, те, кои других бесстыднее, а говорящие им истину и показывающие их слабости всегда бывают ненавидимы и обыкновенно слынут невежами, грубиянами и злонравными людьми. Теперь рассуждай, что тебе надобно писать, когда хочешь заслужить их покровительство.

Трутенъ

Так, по твоему мнению, в знатных господах нет ни единого добродетельного человека.

Я

Есть, только мало таких, которые помнят истину, любят добродетель и не позабывают, что они такие же человеки, как и те, кои их беднее, и что они в знатные возводятся достоинства для того только, чтобы больше могли делать благодеяний человечеству, помогать бедным и защищать угнетенных; а таких и очень мало, кои могут остерегаться ядовитого языка льстецов.

Трутенъ

Да ведь и знатные господа такие же, как и мы, человеки и, следовательно, тем же подвержены слабостям. Так как же ты хочешь, чтобы они не делали ни малейших погрешностей; дорога, по коей они идут, гораздо скользче нашей, и, следовательно, чаще и претыкаются. По твоему мнению, знатный господин должен быть больше человека.

Я

Нет: я хочу, чтобы он был только человек, но человек, поелику отличен от прочих знатностию своего сана, потоплику бы отличался и добродетелию; чтобы, восходя на степень знатности, не позабывал, что те бедные, от коих он отличен, остались еще такими ж бедными и что они требуют его помощи, так же как и он сам требовал, в подобном находясь состоянии; чтобы не затворял своего слуха от просьбы бедных и тем не скучал, что он может делать добро, чтобы старался о благосостоянии государства больше, нежели о самом себе, и чтобы не откладывал того до завтра, что нынче может сделать, ради того, что нужда времени не терпит.

Трутенъ

Очень хорошо: ты хочешь, чтобы они пеклися о благосостоянии других, лишаясь своего; чтобы, других покоя, сами беспокоилися; короче сказать, памятуя других, себя позабывали: на таком основании кто пожелал бы знатного достоинства? сие бы преимущество лишало выгод жить для себя, и какая бы польза тогда была в знатном чине?

Я

Та, что они утешаться могут тем, что они возведены на такой степень, что могут делать другим добро, чем малочиновные и бедные люди утешаться не могут. Немалая ли это отличность, что он признан добродетельнейшим многих подобных ему человеков и могущим делать добро. Вот что прямо добродетельного человека утешать может.

Трутенъ

Так неужели думаешь ты, что все знатные господа похожи на описанных тобою? Ежели ты так думаешь, так очень много ошибаешься. Посмотри на О... П... Н... С... В... Ш... Б... В... Не считая прочих добродетельных господ, сии одни должны обратить тебя на другие мысли...

Я

Я не спорю, что сии господа, тобою наименованные, столько добродетельны, как ты сказываешь: но для чего не именуешь ты мне тех, кои, восходя на степень знатности, совсем забывают человечество; бывают горды, неправосудны, завистливы, пристрастны и множество других приобретают пороков вкупе со знатностию...

Трутенъ

Да разве малочиновные и бедные не имеют тех же пороков? Перестань, мой друг, винить одних знатных; все люди слабостям подвержены: но разница между ими та, что в бедных людях не так их проступки приметны, затем что знатный господин, на вышнем стоя ступене, привлекает на себя всех внимание и от такого великого числа судей его поступок не может укрыться. Надеешься ли ты, ежели будешь знатным господином, ты, который в нынешнем твоём состоянии почитаешься добродетельным человеком, не иметь пороков, тобою ныне ненавидимых...

Я

Я не хочу и боюсь желать знатного чина для того, чтобы не лишиться спокойствия и человечества, коим ныне наслаждаюсь.

Трутень

Ты видишь, что я прав, утверждая, что во всяком звании есть много людей и добродетельных и порочных, и так первые заслуживают по справедливости похвалу, а другие критику, что исполняя, не думаю, чтобы мое издание никому не нравилось и чтобы все меня за то злословили.

Я

Однакож многие тебя злословят и говорят, что ты злонаправный человек, что ты никого не щадишь и что в твоём издании кроме ругательства ничего нет.

Трутень

На весь свет и сама не угодит природа, так можно ли мне надеяться, чтобы мое издание всем нравилось; довольно и того, что оно некоторым нравится. Нет ничего, что бы не было подвержено критике. Пусть критикуют; однакож бы не ругали. Если ж и к тому найдутся охотники, так я и за то сердиться не буду.

Я

Тебя бранят только те, кои сами заслуживают брань, и ты сего опасаться не должен. Впрочем, мне бы хотелось с тобою поговорить о другом, но теперь я не могу более с тобою пробыть.

Трутень

Мне и самому досадно, что разговор наш не тем кончится, чем бы я хотел.

Я

В другой раз мы с тобою поговорим побольше, а теперь прощай.

Трутень

Прости.

ЛИСТ XXXV. ДЕКАБРЯ 22 ДНЯ

КАКОВЫ МОИ ЧИТАТЕЛИ

Славен под бременем к бессмертию ведущих дел пребывает неутомим, изливает бесчисленные благодеяния на всех, ему подчиненных; взирает не на состояние людей, но на заслуги: ему те любезны, кои других добродетельнее. Истина, добродетель и милосердие пребывают с ним неразлучны. Мыслит как философ и хочет, чтобы подвластные ему люди наслаждались блаженством златого века: словом, он хочет, чтобы сии твари были человеки. Дела его удивляется весь свет, затем что другой, малейшее из многочисленных его великих дел соделав, почел бы себя достойным бессмертия: но он думает, что еще мало сделал для пользы человеков. Редкий дар делать бессмертные дела и думать, что еще мало сделал! Славен кротостию и милосердием все покори себе сердца: ему надобно только желать, они все сделают, чтоб только ему угодить. Славен между важными делами читает и мои листы, но я не ведаю, что он о них думает: малейшую его похвалу почел бы я стократно больше похвал многих тысяч людей!

Зрелум хвалит хорошие сочинения, но оным не удивляется: ибо дуракам одним свойственно дивиться, а просвещенному Зрелуму и подобным ему разумным людям ничто удивительно быть не может; следовательно, их похвала лестнее всех похвал несмысленных читателей.

Несмысл хвалит Трутня для того, что слышал, как его хвалили в двух или трех домах.

Завистлив хулит мой журнал; сие и не удивительно: ибо он все хулит, кроме своих сочинений.

Безрассуд поносит меня за то, что в моих листах изображено состояние крестьян; ему и хвалить меня нельзя для того, что строгостию своею, или, лучше сказать, зверством, больше других утесняет ему подчиненных рабов.

Нарцис бранит меня за то, что я написал его портрет, и говорит: "Я бы, может быть, его похвалил, если бы он отдал мне ту справедливость, которую я сам себе отдаю".

Зараза разумна, хороша, жива и весела; она читает мои листы и танцует.

Миловида, при пленяющей всех красоте, одарена острым разумом. Она часто смеется описанным в Трутне портретам, и ей он нравится.

Прелесте мои листы нравятся; а особливо те места, кои осмеивают женщин: сие доказывает, что она не делает того, что подвержено критике. Сия похвала лестна.

Перекраса говорит, что Трутень был бы несравненный журнал, если бы не трогал женщин: ибо, говорит она, женские слабости всегда извинительны.

Нелепа хвалит Трутня, а всего ей приятнее то, что он печатан со украшением.

Разумная Постана, читая мои листы, рассуждает здраво и беспристрастно судит; она хвалит то только, что заслуживает похвалу; и я сим доволен.

Роза читает листок Трутня и говорит с своим любовником: следовательно, читает и не понимает. Ей ни хвалить, ни хулить невозможно.

Нарциса читает мои листы, но рассуждать о них не имеет времени: ибо все ее мысли наполнены только ее красотой.

Ветрен хулит мой журнал затем, что все описания волокит и ветреных любовников берет на свой счет; а женские портреты ставит на счет своих любовниц.

Влюбчив хулит Трутня и говорит, что сей журнал самый, вздорный и не достойный чтения. Он и действительно его не читает; а хулит для того только, что две его любовницы бранят сие издание.

Худой судья многое в Трутне хвалит: но не хвалит того, что написано на худых судьей.

Силен, сказывают, рассуждает здраво, когда не пьян; но как всякий день винные пары отягчают его голову и затмевают рассудок, то ни хулы, ни похвалы от него вовеки не дождуся.

Чужемысл хвалит и хулит всегда по чужому мнению: со всеми соглашается; а противуречит только тем, о коих несправедливости его другие сильнее уверят. Он часто при чтении восхищается и тотчас, когда другие станут хулить, соглашается, что то худо; следовательно, он сам не чувствует. Ему все люди и все в свете вещи попеременно кажутся и добрыми и злыми. Чужемысл достоин сожаления потому, что лишен рассуждения. Но что ж делать? родитель, его воспитывая, не положил в него ни малого основания к рассуждениям, и он так возрос.

Своенрав иногда меня хвалит, а чаще бранит, затем что некоторые листы ему не нравятся: одни, говорит он, писаны очень вольно, а другие очень воздержно: словом, он почти всегда находит написанное не так, как бы ему хотелось. Виноват ли я, когда не так, как Своенрав, думаю? ему не одни мои листы не нравятся: он иногда входит в политические дела и их критикует для того только, что не он их учредил. Своенраву многое не нравится, и он сам также многим не нравится.

Самолуб не дальнего разума, следовательно, и писать хорошо не может. Я ему читал свой журнал, он слушал, и лишь только я окончал, то начал мне рассказывать о своем сочинении: он наполнен о самом себе хорошими мыслями; следовательно, о других ему некогда и думать.

Высокопар наполнен воображением о своей превыспренней учености. Взирает с презрением на всех писателей; по его мнению, он только один достоин всеобщей похвалы, и что он давно уже заслужил бессмертную славу. Сие утверждают и все преданные ему животные, давшие клятвенное обещание превозносить до небес его пухлые сочинения. Высокопар хулит Трутня, не бравши в руки ни одного листа. Он со многими сочинениями так поступает: но что о нем и говорить? его невозможно исправить и вывести из заблуждений. Он вовеки будет думать, что во всем пространном свете он один здраво рассуждает, имеет высокие мысли и пишет разумно и прекрасно.

Суевер златой век, в коем позволено всем мыслить, называет железным веком и утверждает, что сие означает скорое преставление света.

Лицемер много в моих листах находит хорошего, но жалеет, что напечатаны некоторые сочинения, по его мнению, противу закона и что тем только Трутень и обезображен.

ЛИСТ XXXVI. ДЕКАБРЯ 29 ДНЯ

КАКОВЫ МОИ ЧИТАТЕЛИ

Вертопрах читает мои листы сидя перед туалетом. Он все книги почитает безделицами, не стоящими его внимания, как же ожидать мне, чтобы Трутень казался ему полезною книгою? однакож Трутень иногда заставлял его смеяться. Он его почитает забавною книгою и для того его и покупает. Вертопрах, повертевши листки в руках, и которые заслужат его

благоволение, те кладет он на туалет, а прочие употребляет на завивание волос. Если ж в котором покажется ему описан знакомого человека портрет, то такие листочки возит он с собою и рассказывает, что это на такого-то написано. Вертопрах сие делает для того, что любит насчет других посмеяться, и для того только и приклепывает; а издатель за сие страдает.

Жидомор утверждает, что Трутень очень хорош и что сия книга самая преползная: но сожалеет о том, что дорого продается. Жидомор хочет подавать представление, чтобы для пользы народной Трутня раздавали безденежно. Он бы и сам не покупал моих листов, как они ему ни нравятся, если бы не нашел способа весь год читать только за четыре копейки. Жидомор сделал сие таким образом: первый лист купил и заплатил деньги, а в другую неделю, прочитав первый лист, принес к переплетчику тот лист назад и уверил его, что он ошибкою дал ему тот лист вместо второго, и так далее; сим способом читает все листы и денег не платит.

Злорад, читая мои листы, всегда меня ругает за то, что будто я одиножды списал его портрет и напечатал. Злорад сей, человек весьма злобный, не знает человечества, груб, жесток, горд пред своими подчиненными и низок до подлости пред начальниками своими. Он на всех злостию дышит и называет скотами помещиков, кои слуг своих и крестьян не считают скотами, но поступают с ними со всяким милосердием и кротостию; а я назову тех скотами, которые Злорада назовут человеком: ибо между им и скотом гораздо более сходства, нежели между скотом и крестьянином. По его мнению, и скоты и крестьяне равно сотворены для удовольствования наших страстей. Злорад и теперь еще меня бранить начинает: но пусть он бранит, меня это не трогает; я похвалы его не требую.

Скудоум читает мои листы с великою жадностию и удивляется остроте моего разума. Но что ж ему нравится? то, чего он не понимает или что и мне самому не нравится. Его похвалу я почитаю хулою. Господа читатели, вы знаете, много ли у нас таких благосклонных, как Скудоум, читателей.

Я бы мог еще десять листов наполнить описанием моих читателей, но сие оставляю; а скажу только то, сколько у меня читателей, столько и разных мнений о моем издании. И так может ли многим людям, разные вкусы имеющим, угодить один человек? сие оставляю на ваше решение; в дополнение к сему скажу, что целые восемь месяцев слушал я похвалу и хулу весьма беспристрастно. Намерение мое при издании сего журнала было то, чтобы угодить вам, любезные читатели, сколько возможно. Если я всем успел и сделал хотя некоторому из вас числу угодность, то довольно награжденным себя почту за труд мой. Мое самолюбив не так велико, чтобы сими безделками льстился заслужить бессмертную славу. Нет, я уверен, что сие оставлено к чести нашего века прославившимся в России писателям, г. Сумарокову и по нем г. Ломоносову: их сочинениям потомки наши удивляться будут. Притчи г. Сумарокова как ныне беспримерны, так и у потомков наших останутся неподражаемыми; а Трутень и прочие подобные же ему безделки ныне есть и впредь останутся безделками ж.

1

ТРУТЕНЬ

Еженедельное издание на 1770 год

Опасно наставленье строго,

Где зверства и безумства много.

Прит. Г. Сумар.

ЛИСТ I. ЯНВАРЯ 5 ДНЯ

В НОВЫЙ ГОД НОВОЕ СЧАСТИЕ

Присловица старинная, но и поныне у всех на языке. Все счастья ищут, редкие находят, а прочие сетуют. Всякий представляет его себе во особливом виде. Жидомор ищет оного в великом богатстве, Пышен в великолепии, Горд в раболепстве ему подчиненных, Влюбленной во своей любовнице, и проч.: я сообщу моим читателям несколько примеров.

Прост воспитан худо, но природа одарила его изрядным понятием. В юных летах он читал премножество любовных романов и набил ими свою голову. Прост влюблен и думает, что он счастливейший человек из всех смертных, ежели любовница его подобным же горит к нему пламенем. Всякая ласка, приятный взгляд его восхищают: словом, Прост все счастье полагает во своей любовнице. Сие счастье не может быть долговременно, и Прост, конечно, обманывается. Нынешняя любовь весьма далека от любви наших предков. Многие женщины нашего века не почитают преступлением одного любить и шестерых обманывать и говорят, что истинная любовь требует от любовника веры, или слепой доверенности, то есть видеть и быть слепу. Модные любовники так и поступают: они притворяются, будто во всем верят своим любовницам, хотя думают совсем противное. Они иногда попускают себя, так, как искусные министры, обманывать для того только, чтобы способнее изведывать обстоятельства. Откуда произошло основание сих правил, я не ведаю, но знаю только то, что от подобных происшествий вошло в обыкновение говорить, что женщины гораздо хитрее мужчин. Я оставляю господам читателям решить, тот ли хитрее, кто думает, что обманывает, и обманывается, или тот, который попускает себя обманывать и обманывает; а только то скажу, что Прост в городе счастлив не будет, пусть ищет он своего счастья в отдаленных от городов обиталищах.

Жидомор произошел от благородной крови, а имеет в себе кровь в тысячу раз подлее всех подлых крестьян, по мнению некоторых. Он был судьей в некотором нажиточном приказе в то время, когда грабительствы и взятки почитались подарками; следовательно, разоряя многих, нажил он довольное имение и умножил бы оно, так, как и стон бедных и беспомощных людей, еще более, ежели бы сияющая во всю пространную Россию на престоле истина не извергла сего бездельника с места, определенного правосудию; его отрешили от оного: но он еще нашел способ утеснять сограждан своих. Начал незаконно нажитые им деньги отдавать займы и собирать незаконные проценты, поставляя свое счастье во умножении богатства, несмотря, что он не имеет ближних наследников и что сам он не проживает ни десятой доли получаемых ежегодно процентов. Словом, ежедневно прилагая незаконие к незаконию, часто жалуется на правление за то, что запрещено брать проценты выше указных. Жидомор счастье нашел, но незаконно; следовательно, всякий честный человек оному завидовать не будет.

Пышен имеет великое богатство, но употребляет его весьма худо. Вместо вспоможения бедным и других христианских заповедей, требующих исполнения, покупает ежегодно премножество дорогих карет, имеет премножество лошадей, лакеев, экипажей и проч. Стол ежедневный у него бывает на 40 приборов, а садятся за стол по 15 человек. Пышен всем, что имеет, недоволен: он свое счастье полагает в том, чего иметь не может. Желание непозволенное и невозможное редко исполняется! Пышен для придания себе большей пышности хотел бы иметь богатство всего света. Сего счастья иметь он не может; а я ему желаю, чтобы он научился пользоваться тем, что имеет, он бы, конечно, был счастлив.

Сутяга непозволенными средствами при откупках и подрядах нажил довольное имение. Умирая за копейку, по всякий день умножает свое стяжание: но притом поминутно вздыхает и говорит, что он несчастлив, что детям его останется весьма мало, что он обижен

и что все бездельники счастливы, а несчастлив только он один. Сутяга счастлив быть не может, затем что он, имея счастье в руках, не умеет им пользоваться.

Но можно ли исчислить все желания! всякий желает счастья по своим склонностям. Большая половина того желает, чего никогда получить не могут; они не будут счастливы. Наслаждаются счастьем только те, кои довольны тем, что они имеют; желания их ограничены. Они желают того, что нужно к их благоденствию, а не к удовольствованию их прихотей. Надобно желать, чтобы они были удовольствованы, например: Честен получает тысячу рублей годового дохода, проживает 750, а остальные употребляет в пользу бедных. Ежели Честен желает большего стяжания, то желает для того только, чтобы больше мог делати добра другим.

Наконец, следуя обыкновению, пожелаю я моим читателям в новый год счастья.

ВЕЛЬМОЖАМ

Будьте любимы вам подчиненными и простым народом. Располагайте свои поступки и дела так, чтобы они почитали вас предстателями в их нуждах и заступниками, а не считали бы вас тиранами, отъемлющими их благоденствие тогда, когда с престола истины щедроты на них реками изливаются. Будьте добродетельны, тогда вы бедных утешить не помыслите: делайте им добро по должности всем без изъятия, а не по пристрастию, и пекитесь о благосостоянии их больше, нежели о своем. Не слушайте льстецов, они, обольщая вас, пользуются вашими слабостями и силою вашею других утешают, а утешаемые почитают то ударом руки вашея. Они вам говорят, что вы добродетельны. Лгут они сами за глаза, больше других поносят: сказывают, что все удивляются вашей щедроте, что вы не отказываете в их нуждах, они вас обманывают и называют дураками. Убегайте их, они яд, они желчь, наполняющий горестию сладкую вашу жизнь.

Будьте сами судиями своих поступок: весьте свои дела на весах беспристрастия, вы увидите, сколь они бесстыдны и сколько вы обманываетесь. Вот ваше счастье! Добродетельный человек вашего звания, конечно, назовет себя счастливым, если он сие исполняет; а исполнять вам сие нетрудно: ибо бедный человек и то в знатном добродетелию почитает, когда не делает он ему зла.

СРЕДОСТЕПЕННЫМ

Состояние ваше требует, чтобы вы были любимы и знатными людьми и бедными. Вы содержите между высокостепенными и низкостепенными средину; и так первым говорите всегда правду, без грубости; показывайте им погрешности их, отдавайте почтение их добродетелям, а не чинам, и справедливость их поступкам. Не поносите их за невинные проступки: ибо слабость свойственна человекам. Не льстите им никогда и чрез то не старайтесь входить в их милость: таковое счастье долговременно быть не может. Низкостепенным напоминайте их должности и поощряйте ко исполнению оных своим примером. Наконец, приуготовляя себя к вышним степеням, приуготовляйте и добродетели, нужные сему состоянию. Весьте свои способности справедливо и потому желайте высших достоинств. Приучайте себя заранее сносить тягость знатной степени. Она блистательна снаружи и потому-то вас прельщает. Будьте искренны и с первыми и с последними. Наживайте друзей в настоящем звании, но таких, которые бы и по получении вами знатных достоинств необиновенно всегда говорили вам правду; чтобы они были столько добродетельны, чтобы вы могли от них заимствовать: если ж вы не сыщете таких, то не сыщете счастья, хотя и будете на вышнем степени: ибо знатный редко имеет верного друга.

МЕЩАНАМ

Желаю трудолюбия и праводушия.

БЕДНЫМ

Добродетелей, приличных их состоянию, и чтобы знатные их не угнетали: вот их счастье!

ПОСЕЛЯНАМ

Я желаю, чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети. Желаю вам сил телесных, здоровья и трудолюбия. Имея сие, вы будете счастливы. А счастье ваше руководствует ко благосостоянию всего государства.

Наконец, пожелаю я и себе в новый год нового счастья. Чего ж я пожелаю? Г. читатель, отгадай. Я желаю, чтобы желание счастья моим согражданам было им угодно; чтобы издание мое принесла пользу и чтобы меня не ругали.

ЛИСТ VI. ФЕВРАЛЯ 9 ДНЯ

Г. издатель!

Не поверишь, радость, в какой ты у нас моде. Ужесть как все тебя хвалят, и все тобою довольны. Я сама много раз от московских наших щеголих слыхала, что тебе пред всеми дают преимущество; а я твоего Трутня ни на какие книги не променяю. После покойного старичка, моего батюшки, досталось много книг очень много, только, по чести, я ни одной не беру в руки. Божусь тебе, что, принявшись за одну, провоняла было сухою моралью: об заклад бьюсь, что ты не отгадаешь, какие это книги? -- все Феофаны да Кантемиры, Телемаки, Роллени, Летописцы и всякий эдакий вздор. Честью клянусь, что я, читая их, ни слова не разумела. Один раз развернула Феофана и хотела читать, но не было мочи: не поверишь, радость, какая сделалась теснота в голове; {Модное слово.} а что принадлежит до твоего Трутня, то, по чести, я никогда не устаю его читать: ужесть как хорош! Теперь я все сказала, что надлежало до тебя: выслушай же, радость, и мою просьбу.

Батюшка покойник, скончавшись третьего года, избавил меня от ужасных хлопот и беспокойства. Ты удивишься, как я тебе скажу: у вас в Петербурге и в голову никому это не входило. Послушай, да не засмейся: уморишь, радость! я принуждена была смотреть за курами -- ты хохочешь: потерпи, пожалуй -- за курами, за гусями и деревенскими бабами -- ха! ха! ха! Рассуди, радость, сносно ли благородной дворянке смотреть за эдакою подлостью. Я не к тому рождена: но батюшка мой, покойный старичок, все-таки на своем поставил. Он воспитал меня так худо, как хуже трудно и придумать. Я знала только, как и когда хлеб сеют; когда сажают капусту, огурцы, свеклу, горох, бобы и все то, что нужно знать дураку приказчику, -- ужасное знание! а того, что делает нашу сестру совершенною, я не знала. По смерти батюшкиной приехала в Москву и увидела, что я была совершенная дура. Я не умела ни танцевать, ни одеваться и совсем не знала, что такое мода. Вот до какой глупости отцы, подобные моему, детей своих доводят! Поверишь ли, г. издатель? -- мне стыдно тебе признаться: -- я так была глупа, что по приезде только моем в Москву узнала, что я хороша, - - рассуди теперь, как меня приняли московские щеголихи. Они с головы до ног меня засмеяли, и я три месяца принуждена была сидеть дома, чтобы только выучиться по моде одеваться. Ни день, ни ночь не давала я себе покоя, но, сидя перед туалетом, надевала

карнеты, скидывала, опять надевала; разнообразно ломала глаза, кидала взгляды, румянилась, притиралась, налепливала мушки, училась различному употреблению опахала, смеялась, ходила, одевалась и, словом, в три месяца все то научилась делать по моде. Мне кажется, ты удивляешься, как могла я в такое короткое время всему, да еще сама, научиться? Я тебе это таинство открою, послушай: по счастью, попалась мне одна французская мадам, которых у нас в Москве довольно. Она еще до просьбы моей предложила мне свои услуги: рассказала мне, в каком я нахожусь невежестве и что она в состоянии из меня сделать самую модную щеголиху. Вот какое из нас французы делают превращение! из деревенской дуры в три месяца сделать модную щеголиху для человека невозможность, а французы делают. Какую благодарностью должны мы французам: они нас просвещают и оказывают свои услуги и тогда, когда их не требуем.

Лишь только вышла я из рук моей учительницы, то и показалась в собрание. На меня уже другими глазами смотрели: я познакомилась со многими девицами и науку мою совершенно выучила. Скоро после того услышала, что и меня называют модною щеголихою. Сколько я тогда радовалась! уморить ли тебя? -- В тысячу раз больше, как радовался батюшка мой, получая в году тысячу четвертей хлеба с своего поместья. Тогда-то узнала я, что мы и с хлебом и с деньгами нашими без французов были бы дураки. Они еще дешево продают о нас свои попечения. Услыша лестное о себе мнение, не пропускала я тогда ни комедии, ни маскарадов, ни гульбищей: везде я попевала. Ты, радость, можешь рассудить, что девка осьмнадцати лет, которая от всех слышит: мила, как ангел! тотчас наживет себе завистниц; со мною точно так и сделалось. Меня стали снова пересмежать; но уж из зависти, видя, что молодые мужчины толпами за мною бегают. На всю злость московских щеголих и ласки молодых мужчин смотрела я с холодностию. Многие молодчики в любви мне открывались: но я смеялась -- я еще больше делала: сказать ли? -- я дурачила их, сколько хотела, а они не сердились. Наконец попался мне молодчик, хорош, как ангел, умен, и притом щеголь. Он в меня влюбился до безумия; и я к нему почувствовала не знаю что-то отменное от прочих. Я восхищалась, видя его на маскарадах: он летал, как ветер, когда он танцевал; и везде, где я ни бывала, находила тут и его. Несколько времени было это мне приятно, а после безотвязностию своею он мне и наскучил, Я вознамерилась его позабыть: и слово свое сдержала. После сего молодчиков с десятков пробовали свое счастье: но я и с ними точно так же поступила. Вот обстоятельства, в которых я нахожуся. Дай, радость, мне хорошенький совет: так ли мне поступать, как начала, или и самой в кого-нибудь влюбиться. Пожалуй, ангел мой, напиши мне поскорее ответ, да не умори меня; я его с нетерпеливостию буду дожидаться; и прежде, пока его не получу, не скажу тебе, кто я такова. Мне хочется и тебя помучить. Прости, радость!

Р. S. Ужесть как хочется, чтобы совет твой поспел к нашим маскарадам.

В Москве, ноября 25 дня,
1769 года.

* * *

Государыня моя! я человек чистосердечный, и так не прогневайтесь, ежели скажу, что поступки ваши совсем мне не нравятся. Послушайте искреннего совета! оставьте их, они унижают вашу красоту. Начто прелестное ваше лицо: я разумею из письма вашего. Начто его различными намазывать красками? Глаза ваши блистают, может быть, огнем: начто вы их коверкаете? -- мода и тут замешалась! Еще вас прошу, оставьте сие не свойственное вам искусство: прекрасного не можно прекраснее сделать, но разве безобразнее: превеликую делаете вы честь своей учительнице! Если все они ту только делают пользу, так они совсем для нас не нужны. Оставьте все искусство и дайте в себе удивляться делам природы. Вы не захотите, может быть, следовать моему совету для того, что боитесь скуки: не опасайтесь,

сударыня, г. сочинитель "Всякия всячины" обещался предписать вам упражнения; следуйте только им: вы скуки чувствовать не будете. Наконец, советую вам читать и хулимые вами книги, хотя изредка. Советую также побольше иметь почтения к памяти вашего родителя. Впрочем, за хорошее ваше о Трутне мнение я бы вас благодарил, если бы похвала сия была умеренна и справедлива; но вы предпочитаете моего Трутня таким славным сочинителям, у которых недостойн я отрешить ремень сапог их; и так от принятия сей похвалы прошу меня уволить.

ЛИСТ VIII. ФЕВРАЛЯ 23 ДНЯ

Г. издатель!

Я заметил, что все наши молодые дворяне, путешествующие в чужие земли, привозят только известия, как там одеваются, пространное делают описание всем увеселениям и позорищам того народа: но редкий из них знает, на какой конец путешествие предприниматься должно. Я почти ни от одного из них не слышал, чтобы сделали они свои примечания на нравы того народа или на узаконения, на полезные учреждения и проч., делающее путешествие толико нужным. Мне это совсем не нравится: лучше совсем не ездить, нежели ездить без пользы, а еще паче и ко вреду своего отечества. Для сей-то самой причины вознамерился я путешествовать во своем отечестве, дабы прежде узнать обычаи своих единоплеменников. Я недавно был в двух наших городах и сделал на оные примечания; если будут они вам угодны, то я к вам для напечатания их сообщу, а теперь ожидаю, как вы на то отзоветесь.

Ваш покорный слуга

Путешественник.

* * *

Г. Путешественник! если примечания ваши могут принести пользу читателям, то с удовольствием помещены будут в моих листах. Я ожидаю их с некоторою надеждою.

ЛИСТ XI. МАРТА 16 ДНЯ

Г. издатель Трутня!

Нет средства, чтоб не писать сатиры на подъячих: сия тварь весьма несносна честным людям. Самое бездельное дело наделало мне множество хлопот: нужда мне была, чтоб в Москве в ***** подписали мою подорожную. Я, изготоясь совсем к отъезду, зашел туда, думая, что в четверть часа могу быть отправлен; однако весьма обманулся в своем чаянии. Пришед в коллегию, спросил, у кого такие дела: сторож, отставной солдат, бывший в походах при первом императоре, с почтенными усами и стриженою бородою, ввел меня в большую комнату, где все стены замараны чернилами и в которой навалено великое множество бумаг, столов и сундуков; подъячих оборванных и напудренных, то есть разного рода, человек 80. Многие из них драли друг друга за волосы, а прочие кричали и смеялись.

Столь странное зрелище привело меня в удивление: я спрашивал, зачем тут такая драка, и насилу мог доведаться, что так наказывали приказных служителей за разные их несправности.

Дожидался я часа два, чтоб сии господа успокоились; после того подходил ко многим, дабы узнать, что мне делать. Насилу нашел дневального, у которого сии дела, он мне гордо сказал: "Подождите, не бывал дежурный". Я говорил: "Мне сказали, что это вы, сударь". Он засмеялся и сказал мне: "Я дневальный, это правда, однако дневальный и дежурный не все одно". Наконец после многих насмешек научили меня, что дневальный есть канцелярист, а дежурный регистратор: теперь я это знаю, а прежде не ведал ни об одном из сих животных. Дожидался дежурного, который сказал, что о сем-де надлежит учинить представление господам присутствующим, и как они соблаговолят. Дожидался и присутствующих и, ходя по разным мытарствам и слушая бесконечные завтра, обыкновенные ответы докучливым челобитчикам, с превеликим трудом получил милостивое решение, не могли без того обойтись, чтоб не заплатить за труды моим почтенным докладчикам.

Прости, г. И., я отправился в свой путь, сделав клятвенное обещание не входить ни за чем в места, определенные для правосудия.

Слуга ваш N. N.
Из Москвы. Февраля 9 дня,
1770 года.

ЛИСТ XII. МАРТА 25 ДНЯ

Господин издатель Трутня!

Я влюблена в ваш журнал: он мне ужесть как мил! разумеете ли вы меня?.. статья не может, чтоб вы не разумели, я об вас всегда лучше думаю: вы причиною, что я тружусь над сочинениями; а старание мое в том от того только происходит, чтобы войти к вам в любовь. Нет больше для меня удовольствия, как читать ваши листы. Поверишь ли, радость! сколько повстречалось мне того, что случилось незадолго пред концом нынешнего десятилетия. Всего больше приятны мне ваши портреты: представить себе не можешь, сколько иные похожи на людей, мне знакомых; я их при них читала: как же они бесились!.. и сколько я хохотала!.. Дорого бы я заплатила, чтобы все ваши листы наполнены были такими портретами и чтобы стихов в них совсем не было: стихи мне не нравятся; я не касаюсь чести господ сочинителей, не говорю, что они дурны; но похвалить их не могу, потому что я женщина: боюсь погрешить против справедливости. Как же жалки мне бедняжки мелкие стихомаратели! они карабкаются туда же, куда идут и славные стихотворцы. По грехам нашим они нынече расплодились так, как в пустом саду крапива. Все называют крапивию корнем подьячих: но по справедливости и стихотворцев можно уподобить сей траве. Не дотрогивайся до крапивы, она обожжет: не серди стихотворца, он напишет сатиру. Эту тварь надобно всегда ласкать, как человека нужного, угождать, как человеку больному: а иногда и объявление их любви принимать без огорчения.

Признаюсь, радость, что я заслуживаю стихотворческую ненависть; но меня обнадеживает только то, что они обо мне не узнают, кто я такова; да пусть бы и узнали, пускай пишут, что угодно, я сама скажу им мои пороки. Я не скромна, ветрена, люблю все новые моды, страстна к театральным позорищам, а больше еще к маскарадам: и ужесть как ненавижу беседы; несносны они мне для того, что наши сестры переговорщицы только и делают, сошедшись вместе, что кого-нибудь пересуждают, несмотря, что они сами заслуживают осмеяние; а я этого терпеть не могу. Ненавижу также скупость, мотовство, зависть, карточные игры, ревнивых мужей, неверных жен, ветреных любовниц и

любовников: ужесть как гадки мне все те, кои много о себе думают. Я знаю много таких людей, и они-то подали мне матерью сочинить исторические картины: я написала сперва две, а теперь, радость, уже их у меня целые шесть написаны. Ты скажешь, можно бы в это время сочинить и больше: это правда; да подумай, ведь я женщина, так довольно, что я и столько могла сделать. Я не знаю, как и с теми показаться, посылаю и робею: боюсь, что с таким сочинением не понравлюсь -- ужесть как это воображение меня мучит. Я не могу себе представить, как я перенесу противный от вас отзыв: он мне всякого отказа страшнее... Ах! не умори меня! и не отыми надежду в молодой сочинительнице.

P. S. Нет сомнения, чтобы почерк женских рук вам не примелькался; но мой вы еще в первый раз теперь видите, так, может быть, чего и не разберете; об этом вас прошу прилежнее постараться: но не переправлять ничего, что, может быть, покажется вам нескладным; пусть эта погрешность останется на моей стороне.

КАРТИНА I

Сия картина изображает мужчину низкого происхождения, который нашел случай приплестись в родню знатной фамилии. На правой стороне видны все нажиточные места, вокруг которых он по милости своих родственников терся. На левой его кладовая, заваленная почти вся сундуками, шкапами и мешками с деньгами: он наполнил ее всякими непозволенными средствами, а именно грабил и захватывал насильно чужое добро, брал на сохранение и не отдавал назад; а паче всего нажил он то лихоимством. Тут еще изображается несколько вдов, сирот и беспомощных: они его просят с заплаканными глазами и с распростертыми руками; и кажется, что они все хотят вымолвить: "Помилуй, покажи правосудие!" Но он со спокойным видом всегда говорит им завтре. Над кладовою его надпись: "Сие добро посредством моего умишка мне бог дал". Живописец, писавший сию картину, не позабыл вдали изъяснить брошенные на пол изломанные весы, означающие правосудие и также истину поверженную.

КАРТИНА II

Представляется вдовушка лет двадцати -- ужесть как недурна! наряд ее показывает довольно знающую свет, подле нее в пребогатом уборе сидит согнувшийся старик в виде любовника: он изображен отягченным подагрою, хирагрою, коликою, удушьем и, словом, всеми припадками, какие чувствуют старички при последнем издыхании. Спальня и кабинет сей вдовушки скрывают двух молодых ее любовников, которых она содержит на иждивении седого старика в должности помощников. Она делает это для облегчения старости своего возлюбленного.

КАРТИНА III

На оной означен Худосмысл, имеющий знатный чин, довольный достаток, не велик только ростом и не тонок, летами около шестидесят. На одной стороне означается его служба, где видно самых молодых лет непрерывное его за красным сукном заседание, под сим надпись: "Худой был человек, худой есть судья, и умрет еще худшим". На другой стороне картины означается приезд к нему гостей и вид внутренних его покоев: покои сии наполнены почти ломберными столами, за коими хозяин с гостями играет в карты, над ним надпись: "Не умом, да деньгами". Вдали от сего виден Худосмысл между своими служителями; один из них стоит перед ним с сердитым лицом, изображающим непослушание; другой скидает с него платье с пренебрежением; а поодаль сего означен вид

управительских двух покоев; в них видно богатство, состоящее в сундуках с деньгами, в шкапах с серебряною посудой и столиках с фарфором, часами, табакерками и тому подобным. Надлежит заметить, что в покоях помещичьих ничего подобного сему не означено.

ИЗЪЯСНЕНИЕ

Худосмысл господин над людьми своими, а господа над ним его люди; всякий лакей смеет ему противуречить, отговаривать и доводить до того, чтобы он был всегда в их повелениях, только что они не секут его, да и он их сечь не смеет, а для сего подлый народ Худосмысла и называет: "То-то господин, то-то отец, люди у него как в раю живут!.." Только Худосмысл у людей своих живет как на каторге.

ЛИСТ XIII. МАРТА 50 ДНЯ

КАРТИНА IV

Маска представляет женщину тихую, добродетельную, показывающую жалость об всяком пришедшем в несчастье человеке. Чувствительность ее о бедных видна тем больше, что при слушании о несчастных катятся ручьями слезы у нее; а в прямом виде изображается эта женщина самолюбивою и сребролюбивою; ее окружают несколько человек в разных видах. Она на неимущих взирает гордо, а раболепствует ничего не значащим, будучи сама чиновна. К одной стороне надпись: "Сия женщина ко умножению своей славы всем бедным помогать берется, а не собою, да знатными, кои ей знакомы: она выпрашивает у них на дворянок неимущих платье и деньги, чего, однакож, никому никогда не отдает". А под сим видно, как она жалуется тем бедным вместо выпрошенного платья свои ветхие обноски, ставя их в цену, а деньги дает им в долг и берет с них обязательство. Здесь означается, как она запрещает накрепко тем бедным ходить в те дома, где она платье и деньги на них получила. {По левую сторону сей картины оставлено место на другую половину истории, коя еще сочиняется.}

КАРТИНА V

В художественном платье представлен мужчина, не имеющий никаких достоинств или такого, что бы притягало искать его дружбы, кроме что он человек. Тут сотовариществуют ему его знакомые и несколько домашних. Речь его к ним следующая: "Не могу от знакомств отбиться! они мне даже что в тягость! Все во мне ищут, все меня почитают, все ласкаются быть мне друзьями!.. А господин С... О! он для меня все сделает, что бы я ни сказал ему; он меня отменно любит"... Позади же сего видно, как сей высокомысл сам во всех ищет; а об нем все думают так мало, как не можно меньше.

КАРТИНА VI

Между множеством обоого пола людей видна женщина лет около пятидесят; однако не так дурна, чтоб за хорошие подарки какому щеголю не могла еще понравиться. Она

окружающих ее женщин толкает прочь, сердится и от них отворачивается; а к мужчинам всякого сорта показывает ласку, дает им знак, чтоб они подошли к ней, и досадует, что они противятся. Позади ее двое мужчин, не худо одетых, на нее указывают. Вопрос одного: кто она такова? Ответ другого: Безумнова.

Ну, радость, вот сочинения моего картины; каковы они? скажи мне?.. Нет, не говори лучше ничего, ежели они дурны.

* * *

Госпожа Молодая сочинительница! боязнь ваша в рассуждении отсылки вашего письма ко мне была напрасная. Ваше сочинение так хорошо, что я бы желал таковые получать чаще; но, по несчастю моему, редко сие случается. Если вы будете ко мне и впредь подобные сему сообщать сочинения, то я вам буду весьма за то благодарен. Впрочем, я бы желал, чтобы вы к молодым стихотворцам имели побольше снисхождения. Наконец, должен я перед вами извиниться, что не совсем вашу просьбу исполнил. Несколько причин с моей стороны меня бы в том оправдали; но я о них умолчу: вы сами догадаетесь.

Г. издатель!

Есть люди, которые говорят, что Трутень 1770 года нерадивее Трутня 1769. В прошлом годе он не только что издавал отборные пиесы, но и присылаемые к нему исправлял и своим хорошим вкусом и остроумием из худых писателей делал хороших авторов. А ныне все соболезнуют, все рыдают и вопиют: о плачевная премена! Трутень, славный Трутень! стал нерадив, не смотрит за наборщиками, лютыми врагами всех авторов. Они так портят письмена, попавшие к ним в руки, что читатель, потя и ломая свою голову, скорее ослепнет от неусыпного прилежания в изыскании смысла, нежели поймет мысль автора. А бедный автор, как чадолюбивый отец, терзается досадою и разрывает родительское сердце, взирая на безобразие своих трудов, любезных чад своих.

ЛИСТ XIV. АПРЕЛЯ 6 ДНЯ

Господин издатель Трутнев!

Я ужесть как на тебя зла: я тобой взбешена, ах! радость, какой ты несносный человек; па чести етова я не вабражала, вазможнали, што тебя ништо не может удержат ат такой склонности, какая тебе не делает чести, ты мне кажешься пахожим в етам на женьщину, из наших сестер: неуймешь какетку от амуров, манерщицу от нарядов; а тебя от переправок чужих сочинений. Ето, радость, очень гадка! простила бы я твою переправку, когда бы ею сочинение мае было исправлено; а то позволь себе сказать: оно испорчено! ты, радость, невыразумел мысли живаписицы: она в первой картине изобразила только пранырства подлова человека, какой, может, не выше секлетаря был, а ты ево пажаловал судьею. Другая испорченаж, да еще таки с милости. А в третьей у ней представлен Худасмысл с надписью: каков был с молоду худой резолют в делах приказных, таков по ныне, такаву, видна, и умереть ему, што и есть пряма Худасмысл. А ты ево назвал: худым человеком и худым судьею; из чево разуметь можна: бессовеснова, грабителя и неправосуднова... Худасмысл правда что судья; да он только ета имя на себе носит; а дела делает ево секлетарь и другие судьи таварищи. Ты, радась, поумничал, да не к стате. А ином уж я и не гаворю: што из женскава слога сделал ты подьяческой, наставил ни к чему: обаче, иначе, дондеже, паче. Мы едаких речей ничуть не пишем, у мущин они в употреблении; а у женщин нет. А, я чаю, как в паследних трех картинах, так и падавно нечева ждять доброва, каких, я думаю, наставил ты

там жучек в епанечках. В етам письме нет прежней маей ласки; да кто виноват, ты своими переправками сделал ету во мне перемену. Уймись, радость! в пративном случае напишу я на тебя сатиру и буду жаловаться твоей прабабке.

* * *

Государыня моя, госпожа Молодая сочинительница!

Ежели бы получил я ваше письмо вчерась, то бы дошло у нас до превеликой ссоры. Вы чрезвычайно горячи, да и я также: сверх того, я взбешен был одною женщиною, так немудрено, ежели бы и вам сделал грубый ответ, чего по справедливости вы и достойны. Но нынче я весел, и ваше письмо попалося мне в добрый час, и так читайте следующий ответ.

Я, сударыня, не ведал, что вы самолюбивы, хотя и ведал из письма вашего, что вы женщина. Вы объявили себя молодою сочинительницею, и так за нужное почел малые ваши погрешности исправить. Вы жалуетесь, что я женский ваш слог испортил и сделал подьяческий. -- Уведомьте меня, сударыня, что вы разумеете под словом женский слог; то ли, что женщинам и в писаниях погрешности прощать надлежит, или только то, что ваше письмо написано слогом женщины, неправильно говорящей и, с позволением вашим, свойств и правил русского языка не знающей. На то вам скажу: что вы, поразгорячась, сказали лишнее. Другое ваше письмо я издаю в печать точно так, как его получил. Наконец, сказываете, что я лишился вашей ласки. -- Неудивительно, сударыня я знаю ваш пол. Есть между вами особый род, называемый кокетки: они, сударыня, поминутно, -- нет, не скажу. Вы, конечно, их сами знаете. Я опасуюсь, не из числа ли их и вы: ибо никто так скоро рассердиться не может, как кокетка, когда при ней другую женщину хвалить станут или скажут, что она не к лицу одета. И так, сударыня, ежели вы из числа их, то я, лишась вашей ласки, тужить о ней не стану. Окончание вашего письма состоит в угрозах, что вы, написав на меня сатиру, будете жаловаться моей прабабке, -- но у меня ее нет; а если написать вам будет нужно, то сообщите ко мне, я ее, верно, напечатаю.

ЛИСТ XV. АПРЕЛЯ 15 ДНЯ

Господин Трутень!

Кой чорт! что тебе сделалось? ты совсем стал не тот; разве тебе наскучило, что мы тебя хвалили, и захотелось послушать, как станем бранить? так послушай. -- Ну, да полно, шутки в сторону. Пожалуй скажи, для какой причины переменил ты прошлогодний свой план, чтобы издавать сатирические сочинения? Ежели для того, как ты сам жаловался, что тебя бранили, так знай, что ты превеликую ошибку сделал. Послушай ныне: тебя не бранят, но говорят, что нынешний Трутень прошлогоднему не годится и в слуги; и что ты ныне так же бредишь, как и другие. Надобно знать, что хулы есть разные; одни происходят от зависти, а другие от истины; и так я советую лучше терпеть первые, нежели последние. Что тебе нужды смотреть на то, что говорят другие; знай только сам себя. Пожалуй, г. новый Трутень, преобразись в старого и будь любезным нашим увеселением; ты увидишь, что и тебе от того больше будет пользы: а то ведь, я чаю, ты бедненький останешься в накладе. Мне сказывал твой книгопродавец, что нынешнего года листов не покупают и в десятую долю против прежнего. Пожалуй послушайся меня и многих со мною; а буде не так, так прощай, Трутень, навсегда.

Тот, кто написал.

Апреля 6 дня,

1770 года.

В Санктпетербурге.

Господин издатель Трутня!

Мне кажется, что тебя избаловали похвалами; почему ты и вздумал, будто всякий вздор, да лишь бы напечатан был под заглавием Трутня, то примется читателями, равно как и хорошие сочинения, в нем напечатанные. Ежели ты так думаешь, так поверь, {Я не скажу радость: для того, что тебя ныне приличнее назвать печалью; ты, мой свет, очень достоин, чтобы хорошенько побранить тебя; ни, однакож, я еще потерплю.} что ты много ошибаешься. В прошлогоднем твоём Трутне большая часть сочинений были очень хороши, и им отдавали справедливость, например "Ведомости", "Портреты", "Рецепты"; твой Демокрит, некоторые пиески в стихах, также и многие письма в прозе, заключающие в себе сколько остроты и соли, столько хорошего вкуса, здравого рассуждения и чистоты русского языка. Нет нужды, и боже меня сохрани, чтобы я стала говорить, будто ты целил в них на известные тебе лица. Довольно того, что твои сатиры очень хороши. Я не скажу, чтобы совсем не было подобных прежним сочинениям и в нынешнем твоём Трутне; но скажу по чести, что они в нем так редки, как были редки в прошлогоднем худые. Этого, кажется, довольно, ты видишь, что я говорю искренно; и так не сомневаюсь, что ты воспользуешься моим советом и будешь в выборе пиес поразборчивее. Прости, г. издатель!

Услужница ваша
Не отгадаешь кто.

Господин издатель!

Давно хотелось мне с тобою познакомиться, но недосуги мои не допускали; а ныне привлекает к тому необходимость. Мне нужны твои советы. Пожалуй будь со мною откровенен; я малый, право, добрый, и со мною ужиться в согласии очень легко. А ты хотя и не совсем мне понравился, однакож приметить я мог, что ты человек добрый. Много ты имеешь слабостей, да и я также; а может быть, еще и одинакие; как же быть, ведь мы человеки, часто случается, что делаешь то, чего бы и не хотел сделать: но оставим это. Я приступлю к делу. Я вознамерился в нынешнем году издавать "Модное ежемесячное сочинение" и посвятить его красавицам. Но прежде захотел спросить у тебя совета искреннего; ты уже другой год около этого промысла трешься, так, конечно, все узнал; и так пожалуй скажи мне, не хлопотно ли это и не надобно ли мне будет с кем-нибудь ссориться. Это меня пуще всего страшит: ибо я до ссор не охотник. Совет твой решит мое сомнение; а я буду либо настоящим издателем, или останусь только вашим слугою и будущим издателем "Модного сочинения".

* * *

Господин будущий издатель "Модного сочинения"!

Я вам не могу дать иного совета, как только, чтобы вы о будущем своем издании посоветовали сами с собою. Хлопот издателям довольно, и еще и заботы, а временем и убытка: но заглавие вашего издания от последнего вас, конечно, избавит; ссоры также бывают: впрочем, ежели вы такой добрый человек, то я бы хотел вас иметь своим товарищем; может быть, вы своим заглавием периодические сочинения опять введете в моду у читателей.

ЛИСТ XVII АПРЕЛЯ 20 ДНЯ

Господин издатель!

"Всякая всячина" протилась, "И то и сё" в ничто превратилось, "Адская почта" остановилась, а Трутню также пора лететь на огонек в кухню, чтоб подняться с пламенем сквозь трубу на воздух и занестись сам не знаю куда, только чтоб более людям не быть в

тягость и не наскучить своими рассказами. Что за вздор! долго ли и впрямь читать одно да одно? все Трутня да Трутня! Сколько денежек ни выдавай, а другого не ожидай: как посмотришь на листок, так все заглавие одно носит имя. Что нужды до содержания, когда не разное именованье; вы бы все, сколько вас ни было, старались лучше о выдумках, чтоб по крайней мере каждый месяц... Нет, долго, каждую неделю переменить именованье своего издания. Удивительно право, как вы по сие время еще не переняли поступки красавиц, которые бы вам хорошим образом в таком случае служить могли. Представьте себе только, сколь тонок их вкус; они никогда не делают то, что с переменою не сопряжено: так как же такое бесконечное племя издания читать без скуки, которое свое звание не переменяют. Нет, я вам чистосердечно признаюсь, что я давно об них и слышать не хочу. Сперва я было таки листков с десяток без троякого прочтения не оставлял, да и во сне про них видал; а ныне ужесть как несносны, да и скучно об них ведать, что они в свете есть. Ну, прости, мне недосуг больше писать, пора мне ехать в ряды и купить... я сам не знаю что.

Ваш покорный слуга
Вертопрах.

ЛИСТ XVII. И ПОСЛЕДНИЙ. АПРЕЛЯ 27 ДНЯ

Г. издатель Трутня!

Я и многие со мною имеем справедливую причину на тебя, да еще на г. издателя "Смеси" жаловаться. Вы своими шутками причиняете нам убыток: не подумайте, чтобы я жалел о тех деньгах, которые платил за ваши листы: боже меня сохрани от такой несправедливости! я всегда скажу, что мы за оные платили деньги с превеликим удовольствием, ибо получали от того пользу и увеселение. Выслушайте ж мою жалобу, она истинно справедлива: вы критиковали не знаю какого-то стихотворца: может быть, и весьма справедливо; да дело-то в том состоит, что вы его, как говорится, задели за живое. Он на вас разгневался, как раздраженный стихотворец, пылал яростию и желал отмстить свою обиду. По несчастию общему всех читателей, это случилось в то самое время, когда сей стихотворец издавал в печать книгу своего перевода. Тут-то он себя удовлетворил: ибо к книжке, состоящей менее трех листов, написал на четырех листах предисловие, в котором пространно утверждал, что критикующие люди злые, а критики их неосновательные; что они в силу указов дарованную вольность умам употребляют во зло, осмелясь критиковать человека, достоинства свои совершенно знающего; что он те критики, яко неистояробеснующихся молодичей, малыми своими душевными добротами и слабоблещущими пылинками острого разума воспроизжелавших посверкать, благоволяет уничтожать и презирать и что он на них ни единого не будет ответствен за слова: но, забывшись, исписал целые четыре листа, наполняя из предсердия его исходящим ругательством, не позабыв притом прикрыть сие завесою благочиния. А все это почти за одно словцо: рыгать. Вам шутки, а нам убыток: ибо за двадцатипятикопеечную книжку принуждены мы платить по пятидесяти копеек. Словцо это показалось и в новом вашем Трутне, что все предвещает, что мы опять напрасный убыток нести будем, а книгопродавец без предисловия той книжки не продает. И так прошу вас, г. издатель, пожалуйста оставьте его в покое, не рыгайте новоизобретенными его нелепыми изречениями и тем не причиняйте нам убытка. О сем просит

покорный ваш слуга
Я в своем доме.
Москва,
1770 года,

в апреле месяце.

Примечания

"Трутень" -- первый сатирический журнал Новикова. Выходил с 5 мая 1769 года по 27 апреля 1770 года. Был закрыт в результате прямых полицейских гонений Екатерины II. В качестве эпиграфа Новиков взял стих из басни Сумарокова -- "Они работают, а вы их труд ядите". Используя аллегорию Сумарокова, Новиков наполнил ее новым политическим содержанием: "они" -- крепостные крестьяне, "вы" -- трутни, помещики-дворяне. После начавшейся полемики с правительственным журналом "Всякая всячина" Новиков подвергся преследованиям, о чем немедленно дал знать публике, переименовав эпиграф с десятого листа на новый -- "Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много" (Сумароков). Новиков был издателем, редактором-организатором и автором многих статей своего журнала. К участию в "Трутне" были привлечены также Эмин, Попов, Аблесимов, Майков и другие писатели, то есть прежде всего участники новиковского кружка в Комиссии по составлению нового Уложения.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая писательская и общественная декларация Новикова. В "Предисловии" сформулирован центральный тезис новиковского понимания общественного дела литературы и гражданского долга писателя: независимость от вельмож, двора и правительства. "Предисловие" биографически точно передает новиковское отношение к официальной службе. С военной, где он служил по воле отца, он в 1769 году уходит в отставку. Придворную он с презрением отвергает, приказная -- чрезвычайно выгодная по тем временам -- возмущает его. Новиков начал свою литературно-общественную деятельность с публичного заявления о нежелании служить самодержавию, с утверждения невозможности для писателя сохранить независимость, состоя на официальной службе. Это заявление хорошо запомнила Екатерина. Во время следствия, в 1792 году, в ответ на вопросы Шешковского о прохождении службы Новиков подтвердил эту свою позицию, на что Екатерина в своих замечаниях записала: "Можно сказать, что нигде не служил, и в отставку пошел молодой человек, жил и занимался не больше как в ложах, следовательно, не исполнил долгу служением ни государю, ни государству".

"Я НЕ ЗНАЮ, ОТЧЕГО..."

Характерная для Новикова защита "простых" людей, показ талантливой работы русских ремесленников, мастеров и художников. Вдохновленная речами демократических депутатов Комиссии, эта заметка была в то же время направлена против русского космополитствующего дворянства.

РАЗГОВОР: Я И ТРУТЕНЬ

Главный смысл статьи в утверждении мысли -- добродетель не зависит от происхождения. В дальнейшем ("Живописец", "Утренний свет", "Московское издание" и т. д.) Новиков разовьет свою антифеодальную идею равенства людей. Здесь впервые утверждается, что добродетель не есть "свойство" знатного происхождения. Несомненно, эта декларация продолжает выступления крестьянских депутатов против дворянских идеологов,

проповедовавших в Комиссии сословный принцип -- благородство поступков определяется благородством происхождения. Из этого тезиса они делали вывод -- только дворяне, только знатные могут быть добродетельными и потому занимать первые места в государстве. Крестьяне же, как подлые люди, обязаны работать на них. Следом за депутатом Козельским, высказывавшимся против употребления слова "подлый" применительно к народу, Новиков в "Трутне" также не раз обрушивался на тех "глупых дворян", которые называют "подлыми тех, кто от добродетельных и честных родился мещан".

В данной статье, полной резких сатирических выпадов и намеков на придворных, Новиков утверждает, что среди русской знати почти "нет ни единого добродетельного человека", нет таких, "которые помнят истину, любят добродетель и не позабывают, что они такие же человеки, как и те, кои их беднее". Исключение, сделанное в этом разговоре несколькими крупным вельможам, скрытым за инициалами О..., П..., Н..., С..., В..., Ш..., Б..., В... (их комментаторы раскрывают так: Гр. Орлов, Н. Панин, Нарышкин, Салтыков, Васильчиков, Шереметев, Безбородко и Всеволодский), несомненно продиктовано тактикой "осторожности". Не сделай исключений этим всесильным вельможам, Новиков навлек бы на себя полицейские гонения. Из всей деятельности Новикова мы знаем, что он лично в своей практике никогда не ориентировался на похвалу вельмож, никогда не принимал услуг мецената, действуя всегда независимо и самостоятельно. Есть в этой статье и выпад против Екатерины. "Я" рассказывает "Трутню", что многие его завистники распространяют слух, будто он "злонравный человек" и будто в его изданий "кроме ругательства, ничего нет". Злонравным человеком Екатерина называла Новикова. Она же писала, что его журнал заполнен одними "ругательствами". Характерен ответ "Трутня", что такая критика нисколько его не волнует и не беспокоит.

КАКОВЫ МОИ ЧИТАТЕЛИ

Этой статьей Новиков заключил "Трутень" 1769 года. Избранная им форма -- характеристика читателей -- давала возможность вновь подвергнуть сатирическому изображению различных представителей дворянского общества. Как и во всем журнале, в этой статье объектом сатиры являются дворяне-крепостники, дворяне-чиновники и дворяне-придворные. Важно отметить и то новое, что появилось в этой статье,-- первые положительные персонажи у Новикова: образы дворян под именем Славен и под именем Зрелум. Эти два образа впервые воплощают новиковский идеал человека, который занят большим и важным трудом, "взирает не на состояние людей, но на заслуги: ему те любезны, кои других добродетельнее". Он сторонник общественного равенства людей, смысл своей жизни видит в трудах на общую пользу, стремится к достижению того, чтобы те, "коих сейчас именуют презрительно тварью" (крестьяне), "были человеки". В дальнейшем Новиков создаст свою философию человека, свое критическое учение, выдвинет свое понимание добродетели -- все это впервые наметилось в идеальном образе Славена.

СТАТЬИ ИЗ "ТРУТНЯ" НА 1770 ГОД

После прекращения выхода всех журналов "поколения" 1769 года Новиков единственный, несмотря на преследования, решает продолжить издание "Трутня". В плане смелого издателя было намерение продолжить прежде всего свою сатирическую деятельность и изложение своих просветительских воззрений. Последнее намерение в известной мере удалось осуществить в статье, напечатанной в двух первых номерах журнала под названием "В новый год новое счастье". Статья эта представляет собой попытку Новикова систематически изложить просветительские представления о человеческом счастье, об общественных обязанностях человека. Воззрениям Новикова этой поры

свойственна и просветительская слабость и дворянская ограниченность. В последующем Новиков сумеет преодолеть многие черты своей классовой ограниченности (см. вступительную статью). Здесь же ограниченность и слабость мировоззрения русского просветителя сказались и в сохранении им сословных устоев России, и в стремлении каждому сословию дать моральное наставление, и в боязни коснуться принципа крепостного права. Поэтому, желая счастья всем сословиям, он желает крестьянам не вольности, а лишь того, чтобы помещики исполнили перед ними свои обязанности и были им "отцами". Оттого и появилась формула, характеризующая воззрения Новикова этой поры: "чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети".

Программу сатиры Новикову не удалось осуществить на страницах "Трутня" 1770 года -- тому причиной непрерывные полицейские гонения, которым подвергался журнал. Именно вследствие этого отсутствует в журнале сатира на власть и дворян-рабовладельцев. Что в намерении Новикова было касаться именно этих двух тем, мы узнаем из двух статей. Так, в статье, напечатанной в шестом листе, сообщалось о том, что письмо Правдулюбова (главного полемиста с Екатериной II в 1769 году) не будет напечатано именно потому, что оно задевает "Всякую всячину". В восьмом листе читателям было обещано сочинение молодого путешественника, видимо посвященное теме крепостного права. Но это сочинение также не было напечатано. Важно отметить, что то, что не удалось напечатать в "Трутне" 1770 года, Новиков осуществит в своих последующих журналах: в "Пустомеле" даст оценку "Всякой всячине", в "Живописце" напечатает сочинение "Отрывок путешествия".

Большая часть новиковских сочинений в "Трутне" 1770 года посвящена теме удушения журнала правительством. Из номера в номер печатает Новиков так называемые письма в редакцию и ответы на них, содержанием которых было сообщение об очередных гонениях, которым подвергается издатель. "Расставание, или последнее прощание с читателем" завершает этот цикл статей. Острие данной сатиры направлено вновь против правительства, против Екатерины, против ее лживо-либеральной политики. Так и в новых условиях Новиков сумел направить сатиру против Екатерины, показывая на реальном примере полицейского преследования его журнала, какова цена легенды о будто бы просвещенном характере русского самодержавия.